

ИСТОРИКО-ПАРТИЙНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ПРИСОЕДИНЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА К РОССИИ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ 1920-х – НАЧАЛА 1940-х гг.

А.Н. Максимчик

Революционные потрясения 1917 г. подвели итоговую черту под существованием Российской империи. Развернувшаяся модернизация многих сфер деятельности общества охватила, в том числе, и цикл гуманитарных наук. Актуальной проблемой для первых десятилетий советской власти являлся вопрос восстановления и создания основ научно-исследовательской инфраструктуры исторической науки (организация архивных и научно-исследовательских учреждений).

Революция и гражданская война на Кавказе крайне негативно сказались на состоянии сохранности архивных документов, которые за эти годы были уничтожены или бесследно пропали [20]. В январе 1922 г. бывший начальник военно-исторического отдела при Штабе Кавказского военного округа С.С. Эсадзе (1870–1927) с сожалением писал, что в результате этих событий «погибло до 100000 дел, относящихся до военного и военно-народного управления Кавказским и Закавказским краем со времени царствования Екатерины II» [93, л. 9 об.]. Он писал, что меньшевистское правительство Грузии продавало целыми пудами Архив при Штабе Кавказского военного округа, отчего «рынки и базары заполнились ценными документами, вырванными из проданных дел» [93, л. 8]. Сотрудник Артиллерийского исторического музея Т.И. Воробьев (1898–1966), занимавшийся в 1950-е гг. поиском коллекций расформированного Кавказского военно-исторического музея, также сообщал, что на базаре г. Ростова-на-Дону листы архивных дел использовали для упаковки продуктов. «Такому, в частности, уничтожению подвергся архив наместника на Кавказе, от которого сохранились лишь жалкие остатки. Многие архивы воинских частей были использованы “белыми” на топливо» [13, с. 123].

Уже к концу 1910-х гг. советскому руководству удалось принять ряд мер с целью улучшения плачевной ситуации в архивной отрасли. В 1918 г. декретом СНК РСФСР «О реорганизации и централизации архивного дела» создан Единый государственный архивный фонд (ЕГАФ), которым ведал организованный Главархив. Во многом, это позволило в 1920 – начале 1940-х гг. возобновить работу по дальнейшему выявлению, анализу и публикации исторических документов, относящихся к проблеме включения Кавказа в состав России [23; 26; 33; 38; 53; 54; 70].

Параллельно с разрешением архивного вопроса активно шел процесс организации и создания новых гуманитарных научных учреждений: в 1920 г. создан ИМЭ – Институт Маркса и Энгельса, в 1921 г. – Институт Красной профессуры. В 1923 г. была основана Российская Ассоциация по изучению общественных наук (РАНИОН), объединившая в своих стенах многих деятелей дореволюционной науки [56, с. 85-86]. Аналогичными мероприятиями был

охвачена и территория Северного Кавказа. Несмотря на отсутствие необходимой материально-технической базы, достаточного числа квалифицированных специалистов для организации и ведения научно-исследовательской работы, в мае 1920 г. в г. Владикавказе был создан Северо-Кавказский краевой горский научно-исследовательский институт краеведения с отделениями в Москве и Ленинграде [22; 76; 83]. К началу 1930-х гг. в регионе уже функционировало 9 НИИ краеведения (Дагестанский, Ингушский, Чеченский, Северо-Осетинский, Адыгейский, Карачаевский, Черкесский, Кабардино-Балкарский и Горский). В программу приоритетных научных задач НИИ, в соответствии с марксистской методологией, входило изучение и анализ предпосылок, причин и последствий завоевания Кавказа, национально-освободительной борьбы горцев против царизма в XIX веке [4, с. 46].

Одновременно в центре и в регионах стали появляться первые специализированные научные журналы: «Пролетарская революция» (1921–1941), «Каторга и ссылка» (1921–1935), «Красный архив» (1922–1941), «Новый Восток» (1922–1930), «Историк-марксист» (1926–1941), «Революция и горец» (1928–1933), «Борьба классов» (1931–1936), «Исторический журнал» (1937–1945). На страницах журналов советские историки, с одной стороны, сконцентрировались над практическим внедрением в исторический процесс идей и положений марксизма (в том числе в его сталинской интерпретации), созданием и применением нового научного инструментария при анализе конкретных исторических явлений. Одновременно, с другой, – активно вели борьбу на «научном фронте» с дворянской и буржуазной исторической наукой, критиковали и разоблачали построения неокрепших марксистских историков.

На начальном этапе становления советской исторической науки (1920–1930-е гг.) историки, вслед за представителями новой власти, обращали особое внимание на пропаганду достижений и преимуществ политического курса партии большевиков в национальном вопросе путем их сопоставления с царским стилем управления окраинами империи [4; 10; 21; 43; 58]. Учитывая многонациональный состав населения бывшей Российской империи, острое пропаганды и критики было направлено на цели и характер ее расширения, на положение местного «угнетенного» населения с задачей дискредитации свергнутого политического режима. Концептуальной опорой исторических работ служили речи первых лиц государства. Так, в отчете ВЦИК и СНК «О внутренней и внешней политике республики» от 23 декабря 1921 г. В.И. Ленин, сравнивая царское правительство с новой властью, писал следующее: «ее отношение к народностям, населявшим Россию, было преступным, что эти отношения недопустимы, что они вызывали законнейший протест негодования, возмущения угнетенных национальностей» [40, с. 297]. В выступлении он открыто заявлял о насильственном присоединении к России иноэтничных территорий, об агрессивных и постоянных стремлениях империи расширять свои границы. В другой своей статье «К вопросу о национальной политике» (1914 г.), напечатанной в журнале «Пролетарская революция» (1924, № 3) он, вслед за французским писателем Астольфом де Кюстином, настойчиво сравнивал Российскую империю с «тюрьмой народов». После озвученных

тезисов В.И. Ленина, историки решительно стали искать на линейке хронологии начало процесса трансформации царской России в тюрьму народов. На Всесоюзной конференции историков-марксистов 1928–1929 гг. получила поддержку озвученная М.В. Нечкиной (1901–1985) версия о том, что переломным моментом в процессе такой трансформации следует считать XVI век [52, с. 9], а его моментом ликвидации тюрьмы народов – Октябрьскую революцию 1917 г. По этому поводу исследователь А. Рогов писал, что только после революции «в тюрьме народов – царской России, освободилась камера “Кавказ”» [78, с. 95].

Значительное внимание пропагандистской работе по дискредитации царского режима уделял и И.В. Сталин. В 1934 г. в резолюции к «Краткому конспекту учебника “История СССР”» он настойчиво требовал от составителей будущих учебников так показать дореволюционную историю, чтобы учебник стал «смертным приговором царизму как поработителю народов» [27, с. 11].

Параллельно с набирающим темпы процессом дискредитации политики царской России, в 1920-е гг. имели место попытки резкой критики и большевистского курса. В письме бывшего председателя Национального совета Азербайджана М.Э. Расулзаде (1884–1955) к И.В. Сталину от 1 января 1923 г. была подвергнута критике большевистская национальная политика, которая, по мнению лидера партии «Мусават», воспроизводила имперские амбиции царской России [62]. Однако если в 1920-е гг. такая версия по понятным причинам не могла оказать существенного влияния на концепции советских историков, то, начиная с 1990-х гг., в ряде республик Кавказского региона ее применяли для придания курсу суверенизации исторической основы.

Постоянно усиливающееся влияние правящей партии большевиков на определение проблематики социально-гуманитарных наук привело к тому, что историческая наука окончательно утратила иммунитет к внешним идейно-политическим влияниям. Она стала приобретать концептуальную эластичность и конъюнктурный характер. Историки прекрасно понимали, что руководящий аппарат партии берет на себя роль главного цензора, заказчика и координатора в переосмыслении многовекового исторического пути российской государственности, а от исследователей требуется научное наполнение партийных идей.

Кроме практиковавшегося замещения научной методологии большевистскими идеологемами перед исследователями стояла задача переоценки опыта и критики предшествующего этапа изучения истории. После того, как марксизм получил статус государственного учения, оберегаемого идеологической цензурой, единственным авторитетным источником в изучении динамики исторического процесса стали выступать работы К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, И.В. Сталина. В основу новой (большевистской) методологической инфраструктуры исторической науки были положены идея интернационализма и учение о классовой борьбе, как движущей силе исторического процесса [34, с. 145]. Свое применение они получили и на северокавказском историческом материале [77; 81; 99]. Так, по мнению историка-краеведа Н.Г. Буркина (1894–1962), раскрытию реакционности теорий

дореволюционных военных историков писавших по проблеме присоединения Кавказа к России и выходу из методологического «тупика» может помочь использование ленинских идей, согласно которым: 1) «появление русских в горах Северного Кавказа было обусловлено неизбежным законом капитализма – искать все новые и новые рынки для товаров и капиталов и 2) горские области Кавказа сначала были завоеваны политически, а затем шел процесс экономического «завоевания» [8, с. 4].

Итогом вышеуказанного стало то, что в рамках изучения процесса расширения российского государства в советской идеологии и науке был разработан ряд сменявших друг друга историко-партийных парадигм: «Россия – тюрьма народов» → «абсолютное зло» → «наименьшее зло» → «объективно-прогрессивные последствия» и «добровольное вхождение на основе вечной дружбы» [75, с. 123].

В первой половине XX в. в изучении процесса присоединения Северного Кавказа к России доминирующее положение занимала концепция «завоевания» [2; 5; 11; 16; 18; 19; 21; 30; 32; 36; 44; 47; 48; 60; 64; 84; 85; 88; 92; 100]. На первый взгляд использование данной концепции наглядно демонстрировало преемственность по отношению к историческим концепциям официальной имперской историографии. Как и дореволюционные исследователи, советские историки базировались на единой платформе характера и методов присоединения. Они отмечали доминирование силового фактора в процессе присоединения горцев, однако расходились в оценке его последствий для местного населения и региона в целом. Но если раньше мотивом продвижения России вглубь Кавказа выступала идея расширения ареала цивилизации и культуры на Восток, приведшая к последующему прогрессивному развитию Кавказа в составе России, то теперь, молодая советская историческая наука, согласованная с партийной «повесткой дня», изначально сконцентрировалась на придании последствиям этого процесса безальтернативного статуса «абсолютного зла». Так что единственным содержательным элементом старой «буржуазной» концепции, сохранившимся в работах советских историков стали хронологические рамки присоединения. Как и в предшествующий период изучения процесса присоединения горцев к России, историки 1920–1940-х гг. связывали его с окончанием Кавказской войны.

Первым, кто решил «обрисовать исторический процесс как историю классовой борьбы» и дать новую оценку последствий присоединения горцев к России был основатель марксистской исторической школы М.Н. Покровский (1868–1932) [56, с. 84]. В основу своей схемы интерпретации истории внешней политики России он положил концепцию торгового, а впоследствии – промышленного капитализма, стремящегося к овладению новыми торговыми путями, рынками сбыта и сырья [79, с. 60]. В его интерпретации и Казанские походы Ивана IV, и Северная война Петра I, и Кавказские войны, и завоевание Средней Азии, и активность царизма в Восточном вопросе – все сводилось к интересам российской торговли. Впервые свою версию причин расширения империи применительно к кавказскому региону М.Н. Покровский изложил в энциклопедической статье «Кавказские войны» [65]. Более детализовано

причины, ход и последствия присоединения Кавказа к России М.Н. Покровский опубликовал в сборнике статей «Дипломатия и войны царской России в XIX столетии» [64]. Об этой книге он, не скрывая гордости, писал, что «...более удовлетворительных с марксистской точки зрения обзоров русской внешней политики XIX века в литературе пока не имеется» [64, с. 391]. В статье «Завоевание Кавказа» он настойчиво рассматривал присоединение Кавказа к империи через призму российско-персидского соперничества в регионе. Точкой невозврата в двусторонних отношениях стал переход персидского вассала – Грузии под протекторат России. Война с северокавказскими горцами, по мнению историка, имела чисто стратегическое значение и вытекала из целей персидских походов, начатых еще императором Петром I [64, с. 179]. Своёобразно М.Н. Покровский обозначил и причину завоевания Кавказа. Он отмечал, что это было вызвано необходимостью сохранения чести русского мундира! Примечательно то, что историк первым применил классовую теорию В.И. Ленина о двух культурах, двух Россиях – демократической и элитарной, жестко разделенных по социально-классовому принципу (статья «Критические заметки по национальному вопросу»). Ее использование в работах большинства советских историков служило фундаментом при объяснении целого ряда вопросов, связанных с проблематикой истории российско-кавказских отношений. Так, по мнению М.Н. Покровского, причиной поражения горцев Северо-Западного Кавказа стало отсутствие единого фронта в рядах восставших, поскольку черкесское дворянство олицетворяло опору российского господства и содействовало утверждению русского владычества на Кавказе [64, с. 228]. Относительно имевшейся в исторической науке версии об окончательном покорении горцев Чечни и Дагестана только после подавления восстания 1877–1878 гг. ученый однозначно подчеркивал, что «это уже не была война, требовавшая “покорения”»: это был лишь “бунт”, который нужно “усмирять”» [64, с. 229].

Концептуальный курс, выработанный М.Н. Покровским, оказал значительное влияние на исторические работы второй половины 1920 – середины 1930-х гг. [1; 3; 8; 17; 21; 28; 30; 41; 43; 51; 58; 71; 73; 86; 102; 105]. С позиции классовой борьбы Е.Я. Драбкина (1901–1974) подчеркивала, что «установление русского владычества на Кавказе совпало с длительной эпохой антифеодального движения, охватившего все крупные народы, населявшие эту страну» [21, с. 106]. Российская империя, по ее мнению, в этой борьбе выступила в защиту местных феодальных интересов, считая их опорой в проведении своей будущей политики на Кавказе. Для решения вопроса об определении временных рамок процесса присоединения горцев к Российской империи Е.Я. Драбкина, в отличие от своего учителя, применила имевшуюся в историографии XIX – начала XX в. версию, базировавшуюся на политико-правовой оценке международных актов, заключенных между Россией, с одной стороны, Турцией и/или Персией – с другой, закреплявших северокавказские территории за Российской империей. Она подчеркивала, что «движение, последовательно возглавлявшееся Кази-Муллой, Гамзат-Бекем и Шамилем, было именно восстанием, хотя во всей исторической литературе оно именуется

войной. К тому времени, когда оно началось, Россия уже покорила Кавказ, так что горцы боролись не против внешнего вторжения, а против иноземной власти» [21, с. 108]. Позицию Е.Я. Драбкиной разделял авторский коллектив издания «Адыгея» (Ростов-на-Дону, 1927). Авторы отмечали, что «в 1829 г. по Адрианопольскому миру все горцы отошли к России. Таким образом, война приняла характер подавления восстания собственных подданных и стала еще более ожесточенной» [3, с. 50]. Началом процесса наступления империи на территорию адыгов они считали 1783 г. – манифест Екатерины II о присоединении Прикубанского края к России. Относительно принятия пятигорскими черкесами российского подданства в 1551 г. исследователи подчеркивали, что оно «не принесло той пользы, на которую рассчитывали адыге, стало фиктивным и связь прекратилась» [3, с. 38]. Аналогично в литературе высказывался научный сотрудник Северо-Кавказского музея горских народов Н.Т. Лихницкий (1897–1937), который считал, что главной целью посольств кабардинских князей в Москву было только установление вассальной зависимости «в надежде с ее помощью отстоять свою самостоятельность от Крыма» [42, с. 71].

По мере более углубленного изучения процесса присоединения горцев к России вариативность хронологических границ расширялась. Так, историк и Г.А. Кокиев (1896–1955) связывал процесс присоединения осетин с результатами карательной экспедиции в Осетию генерала П.Я. Ранненкампа в 1830 г. [31]. О более ранних фактах присоединения он писал следующее: «... во всех своих бесконечных просьбах осетинский народ никогда, ни единым словом не обмолвился о принятии русского подданства и везде старался подчеркнуть, что де они признаны свободными русской царицей» (Елизаветой Петровной – *авт.*) [31, с. 78-79]. Заведующий ингушским областным статистическим бюро М.Л. Тусиков относил начало завоевательной политики на Кавказе ко времени Петра I, а его окончание к 1859 г. – жестокому покорению Кавказа [91, с. 17]. При этом Кавказскую войну автор называл восстанием и считал, что оно «не дало никаких положительных результатов в смысле освобождения от ига деспотизма. Произошла только временная смена власти – от дома Романовых к Шамилю с мюридами и от Шамиля к Романовым. И только спустя полвека с лишним после этого горские племена, наконец, освободились и от Романовых и от имамов дружными усилиями трудовых масс всех национальностей, одинаково угнетенных бывшим царским правительством» [91, с. 26].

Известный лингвист-кавказовед Н.Ф. Яковлев (1892–1974), считавший договор ингушей с российскими властями от 22 августа 1810 г. актом присоединения их территории к империи, в своем очерке писал, что они сдержали свое слово и были верны присяге и «в 40-х годах прошлого столетия приняли самое активное участие в отражении наступавшего на Владикавказ известного борца за независимость горцев Шамиля» [104, с. 6]. В отличие от точки зрения Н.Ф. Яковлева, заведующий музеем революции Государственного научного музея г. Владикавказа Г.К. Мартиросиан трактовал этот же договор не как заключение акта о присоединении ингушей к России, а как принятие

ингушами обязательства охранять Военно-грузинскую дорогу и войсковые части, а во время военных действий выставлять тысячу человек «помощного» войска [51, с. 45]. Он также отмечал вынужденный характер российского подданства ингушей в 1769 г., поскольку «это явилось результатом притеснения ингушей от кабардинских и кумыкских князей, которым они платили дань» [51, с. 44]. По его мнению, длительный период завоевания Кавказа «русским военно-феодалным империализмом» пришелся на период XVIII – первую половину XIX вв. Не внес ясность в вопросы хронологии и писатель Х-М. Мугуев (1893–1968), который подчеркивал временный характер российского подданства ингушей. Он отмечал, что «в 1769 г. ингуши в первый раз приняли российское подданство, по мере возможности, то, выходя из него, то снова заключая договора и мир с Россией» [55, с. 10].

Что касается понятийно-терминологического аппарата, используемого советскими историками для обозначения характера присоединения горцев к России, в 1920-е гг. наиболее употребительным являлся термин «завоевание», отвечавший смысловой нагрузке концепции «абсолютного зла» [31; 51; 58; 63; 64; 80]. В этот период историческая литература была наводнена выражениями, всячески порочащими политику царской России. В статье Ф. Лещенко «Из истории украинской колонизации Кубани» историк гневно писал: «трудно найти в России и в Европе уголок, подобный Северо-Западному Кавказу, где торгово-промышленный империализм использовал все возможные средства насилия, вплоть до уничтожения и изгнания целых народов. Истребление и изгнание ногайского народа, – потом еще более многочисленного и культурного адыгского – дела, достойные ассирийских завоевателей, Чингисханов и Тамерланов» [41, с. 154]. Осетинский писатель Д. Гатуев (1892–1938) отмечал, что «самодержавная российская государственность, сознательно и бессознательно вернула Чечню к родовому строю, предполагая с этого начать приобщение дикого народа к благам европейской культуры и цивилизации. Вместо приобщения получилось столкновение. Потому, тем более, что покорением Кавказа была бита горская карта на государственность» [16, с. 18].

Распространенным методом обоснования оценки итогов присоединения горцев к России в работах первых советских историков было использование цитат дореволюционных историков, которые, по их мнению, отвечали объективной оценке происходившего [1; 51; 63]. Так, оценку присоединения Чечни к России историк А.Г. Авторханов (1908–1997) заимствовал из работы А.П. Берже «Чечня и чеченцы» (Тифлис, 1859). Выступив с резкой критикой Д. Гатуева с его крайне негативной оценкой присоединения Чечни к империи, сам А.Г. Авторханов «укрылся» за цитатой из статьи А. Бальшина «Социально-экономическое состояние Нагорной Чечни». В ней автор отстаивал версию прогрессивного влияния империи на экономическое развитие Чечни. «Завоевание и создание в горах русской власти создали общественно-политические и бытовые условия, благоприятствующие торговле, а появление на Северном Кавказе русского капитализма обусловило проникновение в примитивную экономику Нагорной Чечни более развитых форм капиталистических отношений» [7, с. 93]. То обстоятельство, что выводы

первых советских историков так или иначе привязывались к высказываниям буржуазных историков, с одной стороны, демонстрировало преемственность в историографии, а с другой – было вызвано мучительными творческими поисками казавшегося возможным компромисса идеологии и науки.

С конца 1920-х гг. исследователи серьезное внимание уделяли роли мюридизма в национально-освободительной борьбе горцев [57; 68; 69]. Его оценки в научных работах обуславливались атеистическим подходом и вели к неизбежному признанию реакционного характера этой идеологии. По мнению первого декана исторического факультета Ростовского педагогического института Н.И. Покровского (1897–1946), эволюция мюридизма привела к созданию «нового горского дворянства», которое стало главным виновником гунибской трагедии 1859 г. Противоположное мнение высказал ректор Горского педагогического института Х.Д. Ошаев (1897–1977), который признавал объединительную роль идеологии в борьбе против российских войск и понимал ее не как религиозно-освободительное, а как религиозно-оборонительное движение [57, с. 39]. Лингвист Н.Ф. Яковлев также подчеркивал, что «война с русскими создала благоприятную почву для мусульманской пропаганды. Мусульманство явилось наиболее сильным идеологическим средством, организовавшим горцев, на борьбу с русскими» [103, с. 19].

Немаловажную роль в популяризации концепции «абсолютного зла» и насильственного присоединения горцев к России сыграли научные исторические журналы. Важное место они отводили методам и целям колониальной политики царизма на Кавказе [28; 30; 44; 60; 85; 90; 92]. Историк К.В. Сивков (1882–1959) продемонстрировал эволюцию целей российского государства, которые оно определяло по отношению к горцам. Он отмечал, что «если при Иване Грозном, первых Романовых и Петре I, походы на Кавказ предпринимались с целью обеспечить русским купцам торговые пути на Восток, то теперь, во второй половине XVIII века, целью кавказских походов русского правительства является захват новых земель» [85, с. 24]. По его мнению, в XIX в. была четко сформулирована программа превращения Кавказа в русскую колонию. Исследователь Н.Т. Лихницкий на широком фактическом и документальном материале вычленил четыре принципа, которые лежали в основе политики царизма по водворению на Кавказе спокойствия и порядка: военная колонизация, разжигание междуплеменной вражды, система поддержки высших слоев горского общества и выселение горцев [44]. На примере истории Кабарды XVIII в. Г.А. Кокиев продемонстрировал практику использования Российской империей принципа «divide et impera». Он писал, что «политика России в отношении враждующих партий (кашкатовская и баксанская – *авт.*) была направлена к тому, чтобы, поддерживая то одну, то другую партию, тем самым ослабить их и облегчить, таким образом, подчинение себе всей Кабарды» [29, с. 86].

Также на страницах журналов активно шел процесс критической переоценки опыта буржуазного этапа изучения истории Северного Кавказа. Историки задавались вопросами: что делать с наследием предшественников?

Как использовать результаты их работы? Возможна ли преемственность идей дореволюционной историографии в новых условиях развития исторической науки? Эти вопросы имели актуальный и дискуссионный характер для ученых, занимавшихся изучением российско-кавказских отношений [25]. Поиск ответов на них проходил на фоне растущей на Северном Кавказе популярности краеведения в 1920-е гг., а также в условиях катастрофической нехватки новой идеологически выверенной исторической литературы. Для многих исследователей было очевидным, что состояние молодой советской историографии не позволяло в одночасье отказаться от работ дореволюционных авторов. Г. Левонян подчеркивал, что старая литература «еще в недостаточной степени заменена новой популярной литературой, способной осветить правильным научным анализом происхождение и историю кавказских народов, их вековую борьбу с «исконно-русским» самодержавием...» [39, с. 57]. Выход из этой ситуации многие историки видели в критическом прочтении дореволюционных источников и литературы о Кавказе [6, с. 49]. Нередко, на страницах журналов ставился вопрос о необходимости выбросить в «мусорный ящик истории» тенденциозной дореволюционной литературы, оборвать преемственные «нити» между идеями и взглядами советских и дореволюционных авторов [39, с. 54; 45, с. 27].

В статье «Об отношении к старому краеведению и о пользе и вреде преемственности» Н.Т. Лихницкий предлагал разделить всю дореволюционную литературу на 3 группы: 1) военно-исторические работы историков Н.Ф. Дубровина, А.П. Берже, П.Г. Буткова, В.А. Потто, С.С. Эсадзе, А.Ф. Щербины; 2) краеведческие работы и 3) публицистические статьи и брошюры оппозиционного направления по отношению к царской политике на Кавказе. Не отрицая идейное сходство с марксистско-ленинским направлением краеведения третьей группы источников, автор подчеркивал, что наиболее опасной группой в предложенной классификации являлась вторая, поскольку «некритическое отношение к наследству этой категории краеведов опаснее, ибо оно более замаскировано, чем военно-историческая литература <...> подчас прикрывала свою колонизаторскую сущность знаменем служения чистой науке, бескорыстных подвигов на поприще просвещения темных туземцев и т.д.» [45, с. 22].

С предупреждениями об опасности использования художественной литературы, посвященной истории Кавказа, (А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, А.А. Бестужев-Марлинский) в печати выступил литературный критик Н.Г. Свирин. Говоря о расцвете «экзотической» литературы в 1820–1830-е гг., автор писал, что: 1) эта литература выросла на почве колониальных войн и колониальной политики русского государства, которое раскинулось на громадных пространствах Европы, Азии, частично даже Америки и включало в свой состав множество покоренных народов и стран с разнообразнейшими географическими и этнографическими особенностями; 2) она выражала великодержавно-колонизаторские устремления дворянства и верхов торгово-промышленной буржуазии...; 3) мистифицирующая романтическая оболочка «экзотических» произведений привлекала внимание русского общества к

напряженной борьбе за колонии, эстетизировала кровавую колониальную эпопею царизма...» [82, с. 56].

На фоне критического пересмотра основных положений дворянско-буржуазной исторической науки происходил процесс обновления научных взглядов историка-архивиста М.А. Полиевктова (1872–1942). В абсолютном большинстве историографических работ, посвященных изучению российско-кавказских отношений XVI–XIX вв. в довоенной советской историографии, имя известного кавказоведа по-прежнему остается в тени. По справедливому мнению современного исследователя В.В. Тихонова это связано с тем, что «до сих пор отсутствует комплексное исследование его жизни и научного творчества, его научно-литературное наследие не вписано в историографический контекст» [89, с. 419]. Несмотря на то, что в 1930-е гг. им был опубликован ряд ценных исследований [24; 71; 72; 73], значительный пласт научной работы историка так и остался в рукописном виде. В личном фонде М.А. Полиевктова, хранящегося в Центральном государственном историческом архиве Грузии (фонд № 1505), сосредоточен обширный материал, проливающий свет на его видение проблемы Кавказа во внешней политике России [94; 95; 96; 97]. Еще в 1924 г. М.А. Полиевктов подготовил работу «Россия и Кавказ, как проблема истории русской внешней политики». По примеру известного историка С.М. Броневского, он подошел к изложению политической истории Кавказа с геополитических позиций. Он показал разветвленную систему международных отношений не только внутри региона, но и на Европейском континенте, определявшую роль и место Кавказа во внешнеполитических планах России. «Кавказский вопрос» историк, вслед за дореволюционной традицией (Р.А. Фадеев, С.А. Белокуров), рассматривал как составную и неотъемлемую часть Восточного вопроса и связывал его появление с XVI веком. Однако, на первых порах, этот вопрос, по его мнению, находился в тени другого – Балтийского вопроса. Его успешное решение и последующее овладение Кавказом позволило бы Московскому государству стать транзитером в азиатско-европейской торговле. М.А. Полиевктов писал, что в XVIII в. «“Преславная виктория” Петра на Балтийском море и оккупация им прикаспийских областей Кавказа – двуединый кульминационный момент борьбы России за азиатско-европейский транзит» [97, л. 32]. Он также отмечал, что «Кавказский вопрос» очень тесно увязывался с вопросом среднеазиатским: в тексте он неоднократно подчеркивал, что «глубокий охват Черного моря со стороны Балканского полуострова и Кавказа, и охват Каспийского моря со стороны Кавказа и Закаспийского края – вот два основных момента восточной политики России в конце XVIII в. и первой половине XIX в., обуславливающие в эту эпоху ее наступательное движение и завоевательные стремления на Кавказе» [95, л. 25].

Анализ причин налаживания двусторонних дипломатических отношений народов Северного Кавказа с Россией привел М.А. Полиевктова к выводу о том, что у них исторически «выработалась политическая традиция ориентации на того или другого из крупных соседей – старое феодальное искание могущественного защитника – сюзерена» [95, л. 16]. Как и дореволюционные

историки, исследователь придерживался версии о том, что «"подданство" Москве, о котором при этом очень часто говорят, не идет до поры до времени дальше неустойчивых вассальных и перманентных – союзнических отношений, не сопровождается административным и военным внедрением Москвы в местную жизнь» [95, л. 23].

По мнению М.А. Полиевктова, существенным подспорьем в построении концепции колониальной политике России для марксистской исторической школы должно стать понимание диалектики истории. Только опираясь на этот принцип, считал историк, можно осветить и процесс «утверждения русского владычества на Кавказе». Изучая процесс присоединения Северного Кавказа к России, необходимо, по его мнению, всегда держаться общекавказского масштаба.

В неопубликованной работе «Экспансия русского царизма на Кавказ до конца XVIII века» М.А. Полиевктов справедливо отмечал, что в современной концепции истории России и Кавказа эта тема не раскрыта. Он писал, что исследователи в основной своей массе сосредоточились на периоде открытого завоевания Кавказа, т.е. XIX в., а «весь предшествующий, очень длительный период со второй половины XVI в. и до конца XVIII в., когда такое завоевание только подготавливалось... и когда в этом направлении делались только первые шаги, остается все еще мало изученным и освещенным» [97, л. 8]. В этой связи историк настаивал на том, что «между подготовкой наступления на Кавказ и реализацией этой цели нет разрыва» [97, л. 49]. В работе «Экономические и политические разведки Московского государства XVII в. на Кавказе» автор доказывал, что основной формой разведывательной работы были посольства. Он приводил пример создания в Посольском приказе в XVII в. специальных анкет для получения подробной информации о народах Кавказа (географическое положение, население страны, политическое настроение умов, экономика страны и военная организация) [73]. Аналогично М.А. Полиевктов отзывался об экспедиции Академии Наук 1768–1774 гг., которая «была большим разведочным предприятием, обслуживающим, в первую очередь, хозяйственные интересы и завоевательные устремления дворянской крепостнической России второй половины XVIII века» [71, с. 156]. В подготовленном в 1940 г. «Очерке по истории русского кавказоведения XVI–XVIII вв.» исследователь разработал периодизацию продвижения России на Кавказ: 1) XVI–XVII вв. – подготовительный период наступления русского царизма на Кавказ, когда регион находился в системе Балтийского вопроса; 2) 1-я половина XVIII до последней четверти XVIII в. – период открытого наступления России на Кавказ, когда регион находился в системе Восточного вопроса; 3) начало XIX в. – второй период открытого наступления России на Кавказ [96]. В работе «Движение России на юго-восток через степи и горы к берегу моря» он убедительно доказывал, что окончание процесса присоединения северокавказских горцев к России совпадает со временем завершения Кавказской войны [94, л. 36-37]. Во многом идеи М.А. Полиевктова, оставшись не опубликованными и малоизвестными, в последующем были озвучены другими специалистами. В советской и

современной историографии причин продвижения Российской империи на Кавказ работы Михаила Александровича 1920-х годов до сих пор не фигурируют в обзорах, по причине неосведомленности авторов о научном рукописном багаже историка. Традиционно повествование в них начинается с изложения идей М.Н. Покровского по сути вопроса, которые значительно уступают по научной выдержанности и теоретической глубине исследованиям М.А. Полиевктова.

С начала 1930-х гг. историческая наука подверглась значительным изменениям, которые ни в коей мере не связаны с качественным скачком ее академического уровня. Речь должна идти об эволюции политического режима в СССР, об укреплении тоталитарной государственной системы и ужесточением.

Весьма иллюстративными для понимания характера политической и общественной обстановки в стране в 1930-е гг. судьбы историков того времени и судьбы их работ. В качестве такого примера можно обратиться к вышеупомянутому Г.А. Кокиеву (1896–1955) и его работе «Очерки по истории Осетии» (Владикавказ, 1926). На страницах этого издания историк зарекомендовал себя в качестве безусловного приверженца концепции завоевания Кавказа на основании концептуальных построений М.Н. Покровского и его школы. В 1927 г. в рубрике рецензий журнала «Историк-марксист» работа Георгия Александровича была удостоена высокой оценки Н.Ф. Яковлева за содержание, идейную и научную направленность. Однако уже через несколько лет – после принятия решений XVI съезда ВКП(б) 1930 г. (о национальных уклонах в сторону великодержавного и местного шовинизма – *авт.*) и публикации в конце 1931 г. письма И.В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» – в редакции журнала «Пролетарская революция» труд Г.А. Кокиева был подвергнут критике и в последующем стал недоступен читателю. На страницах научных журналов Н.Г. Буркин и Б.А. Гарданов обвиняли автора в отсутствии критики старой буржуазной литературы [8; 9; 15]. В результате, в 1932 г. ему пришлось напечатать в журнале «Революция и горец» покаянное письмо, в котором он обещал переработать свой труд «под углом зрения марксистско-ленинской методологии» [61, с. 205].

Вслед за «разгромом» работ Г.А. Кокиева в журнале «Историк-марксист» последовала кампания (Н.Т. Лихницкий и Н.И. Покровский) против работ Б.В. Скитского (1884–1959), посвященных истории национально-освободительного движения на Северном Кавказе XVIII – 70-х гг. XIX в. Его обвинили в великодержавном шовинизме, выразившимся в фальсификации роли основной социальной базы движения – крестьянства, – и обосновании прогрессивной цивилизаторской роли царской России на Северном Кавказе [46, с. 105]. В 1931–1932 гг. идеологическая «охота на ведьм» затронула историков и краеведов Г.К. Мартиросиана, А.Г. Авторханова, А.Е. Скачко, У.Д. Алиева, С. Сиюхова, Б.М. Городецкого [8; 37; 77; 99]. Это происходило на фоне шельмования и изобличения целых научных школ в исторической науке (дело

историка С.Ф. Платонова, разгром школы М.Н. Покровского), арестов и ссылки академиков Н.П. Лихачева, Е.В. Тарле, М.К. Любавского.

В крайне неплодотворной для исторической науки внутривосточной атмосфере в партийных кругах, с подачи И.В. Сталина, активно стал обсуждаться вопрос о необходимости пересмотра целого ряда позиций в исторической науке. Понимание роли и значения истории как средства пропаганды и политико-идеологический поворот к укреплению патриотизма в середине 1930-х гг. привели И.В. Сталина к идее реформы школьных учебников по истории. В 1934 г. он поручил наркому просвещения РСФСР А.С. Бубнову разработать проспекты будущих стабильных учебников по истории СССР и по новой истории. В процессе работы над текстами учебников жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3 и 4 класса средней школы по истории СССР высказало ряд замечаний и предложило пути их преодоления. В числе актуальных вопросов оно требовало от авторов-составителей корректировки концепции, рассматривавшей процесс присоединения какого-либо народа к России с позиций «абсолютного зла». В силу своей безальтернативности и односторонности оценок эта концепция стала расходиться с задачами ВКП(б), направленными на историко-идеологическое обоснование создания и укрепления СССР. Правительственная комиссия указывала на отсутствие показа положительных последствий процесса присоединения и подчеркивала нецелесообразность применения концепции «абсолютное зло» на примерах перехода Украины и Грузии под власть России: «авторы не видят, что перед Грузией стояла тогда альтернатива – либо быть поглощенной шахской Персией и султанской Турцией, либо перейти под протекторат России... Они не видят, что вторая перспектива была все же наименьшим злом» [74, с. 140-141]. Рекомендации жюри стали переломным моментом в дальнейшем развитии исторической науки, занимающейся изучением процесса присоединения иноэтничных территорий к империи. Оценка итогов присоединения ряда территорий к царской России в формулировках историков стала менее категоричной.

Однако процесс замещения концепции «абсолютного зла» на концепцию «наименьшего зла» применительно к истории Северного Кавказа во второй половине 1930-х – начале 1940-х гг. шел очень медленно. В связи с тем, что в замечаниях к «Краткому конспекту учебника “История СССР”» (авторский коллектив: Н.Н. Ванаг, Б.Д. Греков, А.М. Панкратова, С.А. Пионтковский) И.В. Сталин оставил без изменения формулировку «Завоевание Северного Кавказа» [27, с. 13] историки не спешили отказываться от концепции «абсолютного зла» и наполнять «наименьшее зло» свежей фактурой. Так, редактор «Исторического журнала» партийный идеолог и академик по отделению истории Е.М. Ярославский (1878–1943) в своем докладе на заседании Академии Наук в 1939 г. очень резко выступал против применения оценки «наименьшее зло» решительно ко всем колониальным окраинам. По его справедливому мнению это означало бы создание новой универсальной «отмычки». Такого рода «теория» не изучает конкретно каждую колониальную окраину, а заставляет подходить к изучению с заранее предвзятыми схемами,

идеями и оценками [87, с. 75]. В сложившейся ситуации историкам предлагалось самостоятельно выбрать концептуальное направление своей деятельности на созданном историческом «перекрестке».

Так, с консервативных позиций в предвоенные годы были подготовлены главы вузовских учебников по истории СССР [12; 101], написаны монографии и статьи С.К. Бушуева, Р.М. Магомедова, Н.С. Корвякова, Б.А. Гарданова [11; 35; 47; 49; 50; 53, с. 3-41; 59; 98]. Известный дагестанский историк Р.М. Магомедов (1914–2006) настаивал на том, что «продвижение на Кавказ было подготовлено всем ходом колониальной политики царизма, проводившейся в течение сотен лет. Оно вытекало из самой природы русского феодально-крепостнического государства. Стремление к захвату рынков сбыта, сырьевых баз и торговых путей, шедших к восточным рынкам, было положено в основу захватнической политики царизма на Кавказе» [47, с. 13]. В отличие от аналогичной по названию монографии С.К. Бушуева (1906–1958), связывавшего начало политического завоевания Северного Кавказа с разгромом Наполеона в России, Р.М. Магомедов указывал на 1801 г., а начало организованной борьбы горцев против царских колонизаторов и сплочение их под лозунгами шариата относил к 1829 г. [50, с. 25]. Центральное место в работе Б.А. Гарданова «Осетинский вопрос в проблеме завоевания Кавказа», как и в предыдущей его статье [14], заняло опровержение факта добровольности присоединения осетин к России. На примере восстания в Кахетии в 1812 г. историк отмечал, что «лучшим доказательством несостоятельности “теории” добровольности перехода осетин в пределы Российской империи – является их длительная борьба за независимость. При этом она проявилась в виде вооруженной силы, в местах, где на первый взгляд это и не вызывалось никакими местными соображениями» [98, л. 20]. Анализ результатов деятельности Осетинской духовной комиссии (создана в 1745 г. в Кизляре с целью восстановления основ православия и возрождения духовной власти осетинской епархии – *авт.*) привел Б.А. Гарданова к выводу о том, что осетины не были христианским народом, как это утверждала дореволюционная историография и, следовательно, «заступить за осетин как единоверных, не было основания у царизма в 60-х гг. XVIII в.» [98, л. 70]. Исследователь настойчиво отстаивал версию не только о насильственном характере присоединения Северной Осетии к России, но и Северного Кавказа в целом.

«Преимущественно» насильственный характер присоединения горцев признавал и историк-кавказовед Н.И. Покровский. Этот тезис он озвучивал при подготовке к защите докторской диссертаций [66]. Однако в отличие от своих коллег ему удалось органично вписать в завоевательный характер присоединения концепцию «наименьшего зла». В 1940 г. он, размышляя над результатами проникновения царизма на Северо-Восточный Кавказ, пришел к выводу, что «включение кавказских горцев в состав России было фактом объективно прогрессивным. Это не выражается очень ярко в разбираемый период (первая половина XIX в.) <...> но уже во второй половине XIX в. фактов, рисующих значение русского влияния, будет набираться все больше и больше» [67, с. 191]. Историк призывал других специалистов помнить об обеих

сторонах присоединения: «об объективной прогрессивности его в той же мере, как и о реакционности колонизаторских методов». Однако и здесь вживание концепции «наименьшего зла» в текст готовившейся монографии «Кавказские войны и имамат Шамиля» происходило в процессе неоднократной переработки рукописи по причине идеологической придирчивости издательств, которые так и не опубликовали ее при жизни ученого (в полном объеме книга впервые была издана только в 2000 г. сыном Николая Ильича академиком РАН Н.Н. Покровским).

В целом, анализ публикаций довоенной советской историографии по различным аспектам присоединения Северного Кавказа к России показывает, что главной проблемой формирующейся новой исторической школы являлась слабость методологической и источниковедческой базы. Поэтому доминировало простое отторжение и даже шельмование научных построений дореволюционных специалистов-кавказоведов путем обвинения их в «искажениях и фальсификациях». Отсутствовало четкое понимание того, какой должна быть и «новая» историческая наука. Зыбкость научных построений определялась к тому же и постоянной динамикой политического режима, дрейфом общих идеологических парадигм. Односторонняя, не всегда научная дискредитация идей дореволюционных историков, а также замещение теоретических выводов профессиональных историков идеологемами привели к политизации исторической науки, ломке научного академизма. Основным каналом преемственной связи с дореволюционной историографией в работах советских историков стало использование собранного ею богатого фактического материала и исторических документов. В отличие от работ дореволюционных историков, детально описавших ход присоединения Северного Кавказа к России, молодые марксистские историки сконцентрировались над оценкой причин и итогов присоединения, анализе методов российских властей, направленных на включение Кавказа в состав империи, социальной базы и идеологии национально-освободительного движения. Изучение исторических работ показывает, что вся довоенная советская историография эволюционировала под знаком поиска альтернативных интерпретаций присоединения горцев к России, выработки и корректировки общей концепции этого процесса (напрямую зависевшей от партийных установок), что приводило к ее колебаниям между диаметрально противоположными концептуальными полюсами «абсолютного зла» и «наименьшего зла».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Авторханов А.Г.* К основным вопросам истории Чечни (К десятилетию советской Чечни). – Грозный: Сердало, 1930. – 105 с.
2. *Алиев У.* «Кага-халк» (Карахалк – черный народ). Очерк исторического развития горцев Северного Кавказа. – Ростов н/Д: Севкавказ-Крайнациздат, 1927. – 112 с.
3. *Алиев У., Городецкий Б., Суюхов С.* Адыгея (Адыгейская автономная область). Историко-этнологический и экономический очерк / Предисл. Ш. Хакурате. – Ростов н/Д: Севкавказ-Крайнациздат, 1927. – 182 с.
4. *Алиев У.Д.* Национальный вопрос и интернациональная культура в Северо-Кавказском крае. – Ростов н/Д: Севкавказ и Крайнациздат, 1926. – 128 с.

5. *Анисимов С.С.* Кавказ. Пособие по краеведению. М.: Работник просвещения, 1930. – 248 с.
6. *Б.Г.* О краеведческой работе в Адыгее // Революция и горец. – 1929. – № 1/2. – С. 49-51.
7. *Бальшин А.Ю.* Социально-экономическое состояние Нагорной Чечни // О тех, кого называли абреками. Сборник рассказов, повестей, легенд, сказок, стихотворений и социально-экономических очерков о Чечне и чеченцах. – Грозный, 1927. – С. 87-117.
8. *Буркин Н.Г.* Великодержавность и национализм в горской историографии // Революция и горец. – 1931. – № 4. – С. 3-11; – № 5. – С. 44-60.
9. *Буркин Н.Г.* О великодержавных и националистических тенденциях в горской исторической литературе // Историк-марксист. – 1932. – №. 1/2. – С. 140-161.
10. *Буркин Н.Г.* Октябрьская революция и гражданская война в горских областях Северного Кавказа. – Ростов н/Д: Партиздат, 1933. – 64 с.
11. *Бушуев С.К.* Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. – М.: Изд. Акад. Наук СССР, 1939. – 184 с.
12. *Бушуев С.К.* Народы Кавказа во второй половине XIX в. Борьба горских народов за независимость // История СССР: учебник для вузов: в 2 т. / Под ред. М.В. Нечкиной. – М.: Соцэкгиз, 1940. Т. 2: Россия в XIX веке. Гл. XVI. – С. 275-290.
13. *Воробьев Т.И.* «... Печальное состояние Кавказского военно-исторического музея» / Публ. Г.И. Герасимовой // Вестник Музея-панорамы «Бородинская битва». – 2006. – Вып. III. – С. 111-141.
14. *Гарданов Б.А.* Покорение Кавказа в военной историографии // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. – 1935. – Т. 8. – С. 233-271.
15. *Гарданов Б.А.* Против великодержавничества и национализма (По поводу «Материалов по истории Осетии XVIII в.» Г. Кокиева «Известия Сев. ОсНИИ», вып. VI. Орджоникидзе, 1934 г.) // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. – 1935. – Т. 8. – С. 272-290.
16. *Гатуев Д.* Зелимхан. Из истории национально-освободительных движений на Северном Кавказе. – Ростов н/Д, Краснодар: Севкавказкнига, 1926. – 199 с.
17. *Генко А.Н.* Из культурного прошлого ингушей // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. – 1930. – Т. V. – С. 681-761.
18. *Гусалов Н.* 15 лет социалистической стройки в Северо-Осетинской авт. области // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. – 1935. – Т. 8. – С. 1-32.
19. *Дзагуров Г.А.* Переселение горцев в Турцию: Материалы по истории горских народов. – Ростов н/Д: Севкавказкнига, 1925. – 202 с.
20. Доклад С. Какабадзе на имя Народного комиссара просвещения Грузии о выполнении работы по реэвакуации в Грузию архивов и музейных ценностей с территории Северного Кавказа в 1923 г. // Bulletin historique. Tiflis. – 1924. – Livre 1. – P. 272-281.
21. *Драбкина Е.* Национальный и колониальный вопрос в царской России: Пособие для вузов, комвузов и самообразования; Коммунистич. акад. Комиссия по изуч. нац. вопроса. – М.: Изд-во Коммунистич. акад., 1930. – 189 с.
22. *Е.М.* Северо-Кавказский институт Краеведения // Жизнь национальностей. – 1923. – Кн. 5. – С. 156-157.
23. *Закс А.Б.* Северо-Кавказская историко-бытовая экспедиция Государственного исторического музея 1936–1937 гг. // Труды Государственного исторического музея. – 1941. – Вып. XV. – С. 151-185.
24. *Зевакин Е.С., Полиевктов М.А.* К истории прикаспийского вопроса. – Тифлис: ЗакГИЗ, 1933. – 41 с.
25. *З.* О краеведческой работе в Кабарде и Балкарии // Революция и горец. – 1929. – № 1/2. – С. 45-48.

26. *К биографии Шамиля* / Публ. С.К. Бушуева // Красный архив. – 1941. – Т. 2. – С. 115-139.
27. Как Сталин критиковал и редактировал конспекты школьных учебников по истории (1934–1936 годы) / Вступ. ст. и публ. М.В. Зеленова // Вопросы истории. – 2004. – № 6. – С. 3-30.
28. *Кокиев Г.А.* Военно-колониальная политика царизма на Северном Кавказе // Революция и горец. – 1929. – № 4. – С. 30-35; – № 5. – С. 33-38; – № 6. – С. 32-37.
29. *Кокиев Г.А.* К истории междоусобной борьбы кабардинских феодалов в XVIII веке // Ученые записки Института этнических и национальных культур народов Востока. – 1930. – Т. II. – С. 72-89.
30. *Кокиев Г.А.* Методы колониальной политики царской России на Северном Кавказе в XVIII в. // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института краеведения. – 1933. – Вып. 1. – С. 179-225.
31. *Кокиев Г.А.* Очерки по истории Осетии. Осетинский научно-исследовательский институт краеведения. Ч.1. – Владикавказ: «Растдзинад», 1926. – 155 с.
32. *Кокиев Г.А.* Шамиль и освободительная борьба кавказских горцев // Комсомольская правда. – 1937. – 10 сентября. – С. 3.
33. *Крачковский И.Ю.* Арабская рукопись воспоминаний о Шамиле // Записки Института востоковедения Академии наук СССР. – 1933. – Т. II. – С. 9-20.
34. *Кривошеев Ю.В., Дворниченко А.Ю.* Изгнание науки: российская историография в 20-х – начале 30-х годов XX века // Отечественная история. – 1992. – № 3. – С. 143-158.
35. *Кровяков Н.* Шамиль. Очерк из истории борьбы народов Кавказа за независимость. – М.: Воениздат, 1940. – 96 с.
36. *Крупнов Е.И.* К истории Ингуши // Вестник древней истории. – 1939. – № 2. – С. 77-90.
37. *Кундухов М.* Об извращении горской истории и современности в краеведении. (Ультра-правый уклон или псевдо-марксизм в национальном вопросе) // Революционный Восток. – 1930. – № 8. – С. 155-192.
38. *Кушева Е.Н.* Северный Кавказ и международные отношения XVI–XVII вв. (Обзор материалов русских архивов) // Исторический журнал. – 1943. – № 1. – С. 60-68.
39. *Левонян Г.* Страна «разбойников» или литературная халтура? // Революция и горец. – 1929. – № 1/2. – С. 52-57.
40. *Ленин В.И.* О внутренней и внешней политике Республики. Отчет ВЦИК и СНК 23 декабря (IX Всерос. съезд Советов 23–29 декабря 1921 г.) // Полное собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. – М.: Изд-во полит. лит., 1967-1981. – Т. 44. – С. 291-329.
41. *Лещенко Ф.* Из истории украинской колонизации Кубани // Труды Кубанского педагогического института. – 1930. – Т. I (IV). – С. 123–155.
42. *Лихницкий Н.Т.* Адыгя // Революция и горец. – 1932. – № 8/9. – С. 58-77.
43. *Лихницкий Н.Т.* Классовая борьба и кулачество на Кубани. – Ростов н/Д: Северный Кавказ, 1931. – 192 с.
44. *Лихницкий Н.Т.* Колониальное развитие горских народов (Терек–колония) // Труды Кубанского педагогического института. – 1930. – Т. I (IV). – С. 69-97.
45. *Лихницкий Н.Т.* Об отношении к старому краеведению и о пользе и вреде преемственности // Революция и горец. – 1929. – № 10. – С. 18-28.
46. *Лихницкий Н.Т., Покровский Н.* Против великодержавного шовинизма в изучении истории горского национально-освободительного движения // Историк-марксист. – 1934. – Т.2. – С. 99-105.
47. *Магомедов Р.* Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. – Махач-Кала: Даггиз, 1939. – 132 с.
48. *Магомедов Р.* Дагестан в период царского завоевания. – Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1940. – 24 с.
49. *Магомедов Р.* Имам Шамиль. – Махач-Кала: Даггосиздат, 1941. – 49 с.

50. *Магомедов Р.* Юность Шамиля. – Махач-Кала: Даггосиздат, 1941. – 36 с.
51. *Мартирозиан Г.К.* История Ингуши. – Орджоникидзе: Ингушское нац. изд-во «Serdalo», 1933. – 320 с.
52. *Матвеев В.А.* Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX – начало XX в.). – Ростов н/Д: Книга, 2006. – 253 с
53. Материалы по истории Дагестана и Чечни / Ин-т истории Акад. наук СССР. Науч.-исслед. ин-т истории, яз. и лит. при СНК ДАССР. – Махачкала: Даггиз, 1940. – Т. 3: [Первая половина XIX века]. Ч. 1: 1801–1839 / Подгот. к печати Г.Е. Грюмберг и С.К. Бушуевым; Вступ. ст.: Бушуев С.К. Дагестан и Чечня в период их завоевания рус. царизмом, с. 3–40]; [Под ред. Р. Магомедова]. 1940. – 472 с.
54. Материалы по истории осетинского народа: в 3 т. / Сев.-Осет. науч.-исслед. ин-т. – Орджоникидзе: Сев.-Осет. АССР, 1933–1950. Т. 2: Сб. документов по истории завоевания Осетии русским царизмом / Подгот. В.С. Гальцевым. 1942. – 360 с.
55. *Мугуев Х-М.* Ингушетия. – М.: Федерация, 1931. – 140 с.
56. *Нечкина М.В.* О периодизации истории советской исторической науки // История СССР. – 1960. – № 1. – С. 77-91.
57. *Ошаев Х.* Мюридизм в Чечне // Революция и горец. – 1929. – № 3. – С. 39-44.
58. *Ошаев Х.* Очерк начала революционного движения в Чечне. – Грозный: Чеч. ОДН, 1928. – 26 с.
59. *Петрушевский И.* Рецензия на кн.: Бушуев С.К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М.: Изд. Акад. Наук СССР, 1939. // Историк-марксист. – 1940. – №. 7. – С. 141-144.
60. *Писарев В.И.* Методы завоевания адыгейского народа царизмом в первой половине XIX в. // Исторические записки. – 1940. – Т. 9. – С. 154-185.
61. Письмо Г.А. Кокиева в редакцию журнала «Революция и горец» // Революция и горец. – 1932. – № 2/3. – С. 205.
62. Письмо Мамед Эмина Расулзаде И.В. Сталину (письмо было опубликовано в пятом номере журнала «Новый Кавказ» от 23.01.1924. Журнал издавался в Стамбуле) // [Bakililar.az](http://www.bakililar.az) – Первый форум Азербайджана и Баку. URL: <http://forum.bakililar.az/index.php?showtopic=78379> (дата обращения: 01.08.2017).
63. *Пожидает В.П.* Горцы Северного Кавказа. Ингуши, чеченцы, хевсуры, осетины и кабардинцы. Краткий историко-этнографический очерк. – М.-Л.: Гос. изд-во, 1926. – 110 с.
64. *Покровский М.Н.* Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Сборник статей. – М.: Красная новь, 1923. – 392 с.
65. *Покровский М.Н.* Кавказские войны // Энциклопедический словарь русского библиографического института ГРАНАТ. 11 стереотипное изд. Т. 23. – М. [1918]. – Столб. 34-48.
66. *Покровский Н.И.* Завоевание Северо-Восточного Кавказа и борьба горцев за независимость: Тезисы к дис. ... д-ра ист. наук. – Ленинград, 1938. – 8 с.
67. *Покровский Н.И.* Кавказские войны и имамат Шамиля / Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук. 2-е изд., доп. – М.: РОССПЭН, 2009. – 580 с.
68. *Покровский Н.И.* Краткий обзор истории имамата времен Кавказской войны // Революция и горец. – 1933. – № 6/7. – С. 105-115.
69. *Покровский Н.И.* Мюридизм у власти // Историк-марксист. – 1934. – Т. 2. – С. 30-76.
70. *Покровский Н.И.* Обзор источников по истории имамата // Проблемы источниковедения. – 1936. – Вып. II. – С. 187-234.
71. *Полиевктов М.А.* Европейские путешественники XIII–XVIII вв. по Кавказу. – Тифлис: 1-я тип. Сахелгани, 1935. – 231 с.

72. *Полиевктов М.А.* Из истории русского академического кавказоведения XVIII в. // Известия АН СССР. – 1935. – Сер. VII. – № 8. – С. 759-774.
73. *Полиевктов М.А.* Экономические и политические разведки Московского государства XVII в. на Кавказе. – Тифлис: Изд. науч.-исслед. ин-та кавказоведения Акад. наук СССР, 1932. – 54 с.
74. Постановление жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3 и 4 классов средней школы по истории СССР // Историк-марксист. – 1937. – Кн. 3. – С. 137-141.
75. *Проништейн А.П., Патракова В.Ф.* Советская историческая наука и вопросы изучения Кавказского мухаджирства // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. Материалы всесоюзной научно-практической конференции 24-26 октября 1990 г. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – С. 123-129.
76. Работа горских научно-исследовательских институтов Северного Кавказа в области истории // Историк-марксист. – 1934. – Т. 3. – С. 136-138.
77. *Раенко Я.Н.* За ленинское изучение горских народов Северного Кавказа // Революция и горец. – 1932. – № 4. – С. 120-124.
78. *Рогов А.* О потомках Шамиля, Хаджи-Мурата, Зелим-Хана и Асланбека Шерипова (историко-литературный набросок) // Революция и горец. – 1932. – № 6/7. – С. 92-103.
79. *Рубинштейн Н. М.Н.* Покровский – историк внешней политики // Историк-марксист. – 1928. – Т. 9. – С. 58-78.
80. *Самурский Н.* Дагестан. – М.-Л.: Гос. изд-во, 1925. – 32 с.
81. *Сафаров Г.* Маркс и Энгельс и борьба горских народов против царизма // Революция и горец. – 1933. – № 3/4. – С. 19-25.
82. *Свириг Н.* Русская колониальная литература // Литературный критик. – 1934. – Кн. 9. – С. 51-79.
83. Северокавказский горский научно-исследовательский институт // Революция и горец. – 1933. – № 10/12. – С. 143-145.
84. *Серов Ф.* Наездник Бейбулат Тейманов // О тех, кого называли абреками. Сборник рассказов, повестей, легенд, сказок, стихотворений и социально-экономических очерков о Чечне и чеченцах. – Грозный: Чеченобраз, 1927. С. 125-139.
85. *Сивков К.* Эпизоды из истории колониального ограбления Кавказа (XIX век) // Борьба классов. – 1936. – № 8. – С. 24-35.
86. *Скитский Б.В.* «Холопий вопрос» и антирусское движение кабардинских князей в пору «независимости» Кабарды (1739–1779) / Научное общество этнографии, языка и литературы при Горском педагогическом институте. – Владикавказ: Типо-фото-цикл. из-ва «Растдзинад», 1930. – 35 с.
87. Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году / Вступ. статья Ю.Н. Амиантова // Вопросы истории. – 1996. – № 2. – С. 47-86.
88. *Тедтеев А.* Из истории завоевания Осетии царизмом // Социалистическая Осетия. – 1941. – 20 июня. – С. 2.
89. *Тихонов В.В.* «Не считайте меня изменником русской исторической науки...»: М.А. Полиевктов – историк русско-грузинских взаимоотношений // Россия – Грузия: альтернатива конфронтации – созидание...: (проблемы истории российско-грузинских отношений, XIX–XXI вв.): [сб.] / Коллектив авторов. Сост. и рук. коллектива д.и.н., профессор Н.Ф. Бугай. – М.: Институт российской истории РАН, 2011. – С. 419-435.
90. *Токаева Н.* Миссионерство в системе колониальной политики царизма на севере Кавказа // Революционный Восток. – 1936. – № 2/3. – С. 48-75.
91. *Тусиков М.Л.* Ингушетия: Экономический очерк. – Владикавказ: Гостипография Ингушетии, 1926. – 175, XLVII с.
92. *Фадеев А.* Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе // Исторический сборник. – 1935. – Т. 4. – С. 135-183.

93. Центральный государственный исторический архив Грузии (ЦГИА Грузии). – Ф. 1087. – Оп. 2. – Д. 22. Объяснительная записка к проекту положения о кавказской военно-исторической комиссии по изучению истории империалистической и гражданской войн.

94. ЦГИА Грузии. – Ф. 1505. – Оп. 1. – Д. 11. Рукопись М.А. Полиевктова «Движение России на юго-восток через степи и горы к берегу моря».

95. ЦГИА Грузии. – Ф. 1505. – Оп. 1. – Д. 12. Рукопись М.А. Полиевктова «Россия и Кавказ, как проблема истории русской внешней политики»; «Очерк колонизации на Кавказе». 17 ноября 1924 г.

96. ЦГИА Грузии. – Ф. 1505. – Оп. 1. – Д. 50. Рукопись М.А. Полиевктова «Очерки по истории русского кавказоведения XVI–XVIII вв.». 2 января 1940 г.

97. ЦГИА Грузии. – Ф. 1505. – Оп. 1. – Д. 53. Рукопись М.А. Полиевктова «Экспансия русского царизма на Кавказ до конца XVIII века».

98. ЦГИА Грузии. – Ф. 1505. – Оп. 1. – Д. 119. Работа Б. Гарданова «Осетинский вопрос в проблеме завоевания Кавказа» и рецензия на нее М.А. Полиевктова. 1939 г.

99. *Шавкринский Ю.* Об искажениях ленинизма в вопросах истории Дагестана // Историк-марксист. – 1932. – Т. 1/2. – С. 162-176.

100. *Шеринов З.* Шейх Мансур. (Краткий историко-биографический очерк) // О тех, кого называли абреками. Сборник рассказов, повестей, легенд, сказок, стихотворений и социально-экономических очерков о Чечне и чеченцах. – Грозный: Чеченобраз, 1927. – С. 151-158.

101. *Шестаков А.В.* Борьба горцев за независимость // История СССР: учебник для вузов: в 2 т. / Под ред. В.И. Пичеты, М.Н. Тихомирова и А.В. Шестакова. – М.: Ин-т истории Акад. наук СССР., 1941. – Т. 1. Гл. XXIX. – С. 395-399.

102. *Щукин И., Худаков В.* Кавказ // Малая советская энциклопедия: в 10 т. – М.: ОГИЗ, 1928-1931. Т. 3. – М., 1931. – Столб. 598-603.

103. *Яковлев Н.Ф.* Вопросы изучения чеченцев и ингушей. Лекция, читанная 17 апреля 1927 г. на объединенном собрании Чеченского и Ингушского землячеств студентов г. Москвы. – Грозный: типо-лит. чеченск. газ. «Серло», 1927. – 48 с.

104. *Яковлев Н.Ф.* Ингуши. Популярный очерк. – М.-Л.: ГИЗ, 1925. – 134 с.

105. *Янчевский Н.* Колониальная политика на Дону торгового капитала Московского государства в XVI–XVII вв. – Ростов н/Д: Книгоизд. «Северный Кавказ», 1930. – 197 с.

УДК 94(479)“19”:930(470+571)

DOI: 10.31143/2542-212X-2017-3-76-96

ИСТОРИКО-ПАРТИЙНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ПРИСОЕДИНЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА К РОССИИ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ 1920-х – НАЧАЛА 1940-х гг.

А.Н. МАКСИМЧИК

*Белорусский государственный университет
220030, Республика Беларусь, г. Минск, пр. Независимости, 4
E-mail: forest_child@list.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются процессы, происходившие в советской довоенной историографии на примере анализа причин и последствий присоединения Северного Кавказа к Российской империи. Исследуются вопросы, связанные с конструированием теоретической основы подобных исследований, внаучным политико-идеологическим влиянием на историческую науку, поиском альтернативных способов представления процесса, выработке и корректировке общей интерпретации проблемы. Анализируется терминологический

аппарат работ историков, подходы к определению нижних и верхних хронологических границ процесса присоединения, выявляются приоритетные секторы в изучении данной проблемы. В статье подвергнуты анализу ранее неопубликованные исследования (М.А. Полиевктова, Б.Б. Гарданова) по истории российско-кавказских отношений XVII–XIX вв. Делается вывод о том, что в довоенной исторической науке главной проблемой было отсутствие однозначной позиции в оценке присоединения Северного Кавказа к России. Это было вызвано зависимостью от постоянно менявшихся политических задач, стоявших перед страной, что делало уязвимым научные взгляды и построения исследователей для партийной цензуры и идеологически нагруженной критики со стороны коллег.

Ключевые слова: Северный Кавказ; российско-кавказские отношения; историография; историографические концепции; «абсолютное» и «наименьшее зло».

HISTORICAL-POLITICAL CONCEPTIONS OF THE NORTH CAUCASUS ACCESSION TO RUSSIA IN THE SOVIET HISTORIOGRAPHY FROM THE 1920-s TO THE BEGINNINGS OF THE 1940-s

A.N. MAKSIMCHIK

*Belarusian State University
220030, Republic of Belarus, Minsk, Nezavisimosti avenue, 4
E-mail: forest_child@list.ru*

Abstract. The article considers the processes, which developed in the Soviet pre-war historiography on the example of the analysis of the causes and consequences of accession of the North Caucasus to the Russian Empire. The set of questions under investigation embraces: building of a theoretical basis of researches in this field, non-scientific political and ideological influences on historical science, search of alternative modes of representation of the process of highlanders accession to Russia, development and revisions of the overall interpretation of the problem. Terminological apparatus in use in historians' works, approaches to the definition of the lower and upper chronological bounds of the process of accession are analyzed. Areas of primary interest in studying the problem are defined. Previously unpublished research works (by M.A. Polievktov and B.B. Gardanov) on the history of the Russian-Caucasian relations in the XVII–XIX centuries are analyzed and evaluated as well. The conclusion is made that the main problem in pre-war historical science was the absence of definitive position on the assessment of the North Caucasus accession to Russia. It was caused by its dependence on constantly changing political tasks facing the country that made scientific views and interpretive constructs of researchers vulnerable to party censorship and ideologically loaded critique of the colleagues.

Key words: the North Caucasus; Russian-Caucasian relations; historiography; historiographical concepts; «absolute» and «lesser evil».